

Несогласованность ряда статей УПК (п. 4 ст. 177, ч. 3 ст. 186, ч. 1 ст. 250 и ч. 1 ст. 252), касающихся некоторых аспектов окончания дознания, породила дискуссию как среди практиков, так и ученых по вопросу о праве органа дознания на прекращение дознания по находящемуся в его производстве уголовному делу. Согласно п. 4 ст. 177, ч. 3 ст. 186 УПК орган дознания по выполнению неотложных следственных и других процессуальных действий в срок не позднее 10 суток обязан направить уголовное дело для производства предварительного следствия. При этом вопрос о возможности прекращения производства по делу не затрагивается, что позволяет полагать, что законодатель не наделяет орган дознания таким правом. В соответствии же с нормами гл. 29 УПК (ст. 251–254 УПК) орган дознания при наличии обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, выносит постановление о прекращении предварительного расследования и выполняет вытекающие из этого решения действия по уведомлению участников уголовного процесса о принятом решении, реализации ими других прав. Основным аргументом считать приоритетными в решении рассматриваемой правовой проблемы нормы п. 4 ст. 177 и ч. 3 ст. 186 о том, что орган дознания не сможет в 10-суточный срок, в течение которого он осуществляет производство по уголовному делу, установить обстоятельства данного дела и получить достаточные основания для принятия решения о прекращении производства по делу. Но возразить этому можно тем, что у органа дознания было как минимум 20 суток (10 – на осуществление проверочных действий до возбуждения уголовного дела и 10 – на проведение неотложных следственных и других процессуальных действий, отведенных законом на производство дознания). Кроме того, для производства по уголовному делу законом отводится всего 10 суток. Для сравнения можно привести подход законодателя к установлению 10-суточного срока по делам ускоренного производства, в течение которого устанавливаются обстоятельства преступления и принимается решение о направлении дела в суд для решения вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности. И еще. Зачем направлять дело в следственное подразделение, если, например, на третий день производства дознания лицо, подозреваемое в совершении преступления, умерло, и родственники не возражают против прекращения расследования по делу на основании п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК, или если доказано, что деяние, по которому было возбуждено дело, не является преступлением, в силу чего исключается производство по делу? Нельзя не учитывать, что направлением дела следователю при явном наличии обстоятельств, указанных в ст. 29 УПК, создается излишняя неоправданная волокита в принятии единственного решения по делу, естественно, растут процессуальные издержки и следователь отвлекается от работы по так называемым перспективным уголовным делам.

УДК 343.1

Л.Г. Лифанова

ВОПРОСЫ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА, В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН СНГ

Уголовно-процессуальное законодательство стран СНГ более 20 лет развивается самостоятельно, не будучи объединенными какими-либо общими основами, как было в период существования Советского Союза. Однако сравнительный анализ УПК РФ бывших союзных республик обнаруживает сходные проблемы в плане теоретического осмысления и практического применения отдельных правовых институтов.

В частности, без малого 100 лет ведется дискуссия о целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела. Законодатели Грузии, Казахстана и Украины отказались от данного процессуального действия, предусмотрев началом досудебного расследования (следствия) факт официальной регистрации сообщения или заявления о преступлении. С этого момента лица, ведущие расследование, полномочны проводить все следственные действия, предусмотренные уголовно-процессуальным законом соответствующих стран.

В Российской Федерации, несмотря на вполне обоснованную и аргументированную критику стадии возбуждения уголовного дела, законодатель не отказывается от данного правового института, а напротив, последовательно совершенствует отдельные его нормы.

Так, реагируя на замечания о необходимости увеличения количества следственных действий, производимых до возбуждения уголовного дела, законодатель Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» регламентировал, что в ходе проверки сообщения о преступлении возможно получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребование документов и предметов, изъятие их в порядке, установленном УПК РФ, назначение и производство судебной экспертизы, производство осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов, производство освидетельствования, документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, дача органу дознания поручений о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Данный шаг законодателя, безусловно, направлен на демократизацию института возбуждения уголовного дела, однако корректной и понятной формулировку внесенных изменений назвать нельзя.

В частности, дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе до возбуждения уголовного получать объяснения. Но какова юридическая сила сведений, полученных данными объяснениями, могут ли они считаться доказательствами, законодатель не разъяснил. Если исходить из логики, что для дознания в сокращенной форме не требуется допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения (за исключением случаев, если необходимо установить дополнительные, имеющие значение для уголовного дела фактические обстоятельства, сведения о которых не содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, либо необходимо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем), то значит объяснение – доказательство. Однако, если законодатель сделал акцент, что такое правило распространяется только на сокращенное дознание, значит для других форм предварительного расследования объяснение – не доказательство. Такой дифференцированный подход нельзя назвать удачным. Кроме того, возникают еще вопросы. Возможно ли наступление уголовной ответственности для лица, изложившего заведомо ложные сведения в объяснении? Обращаясь к диспозиции ст. 307 УК РФ, с уверенностью можно заявить, что невоз-

можно, так как лицо, давшее объяснение до возбуждения уголовного дела, не наделяется процессуальным статусом свидетеля или потерпевшего, на которых в числе прочих данная норма распространяет свое действие.

Нет объяснения и в перечне доказательств, предусмотренных ст. 74 УПК РФ. Вряд ли можно его отнести к иным документам (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), так как предполагаемое доказательственное значение имеют сведения, изложенные в объяснении (по аналогии с показаниями), а не бланк, в котором они зафиксированы.

Вывод о виновности лица, как известно, всегда должен основываться на доказательствах, собранных по уголовному делу. Итоговый документ для дознания в сокращенной форме – обвинительное постановление – в соответствии со ст. 226.7 УПК РФ должен отражать объем таких доказательств. Корректно ли и юридически грамотно ссылаться на объяснение как на доказательство? Нам представляется, что нет.

Помимо сказанного следует отметить, что процессуальный порядок получения объяснения в законе не определен. Необходимо ли при получении объяснения руководствоваться порядком получения показаний, неизвестно. Согласно ч. 1 ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований УПК, являются недопустимыми. Можно ли считать сведения, изложенные в объяснении, допустимыми, если порядок их получения не регламентирован? Ответ очевиден. Если провести более детальный анализ юридической сущности и содержания сведений, изложенных в объяснении, то вывод будет более категоричен: доказательственного значения они иметь не могут.

Похожие рассуждения вызывает отсутствие (для сокращенной формы дознания) потребности назначения судебной экспертизы по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении (за исключением случаев, прямо указанных в п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ).

Заключение специалиста, в отличие от объяснения, является доказательством (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), поэтому ссылка на него в обвинительном постановлении представляется вполне допустимой. Но смущает неодинаковый подход законодателя к оценке заключения специалиста, полученного до возбуждения уголовного дела, для разных форм предварительного расследования. Как известно, по отдельным категориям преступлений (например, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ) заключение специалиста необходимо для решения вопроса о наличии основания для возбуждения уголовного дела. Однако такое заключение доказательственной силы не имеет. По уголовному делу в обязательном порядке назначается экспертиза, при чем иногда на разрешение ставятся те же вопросы, что и ранее специалисту. Представляется необходимым свести к единообразной оценке доказательственного значения заключения специалиста независимо от того, производится ли по делу дознание в общем порядке, в сокращенной форме или же осуществляется предварительное следствие.

К полномочиям лица, осуществляющего доследственную проверку, помимо прочего добавилось право истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ. Нормы уголовно-процессуального законодательства допускают изъятие предметов и документов в процессе производства следственных (осмотр, освидетельствование, обыск, в том числе личный, выемка) и процессуальных (наложение ареста на имущество) действий. Производство осмотра и освидетельствования до возбуждения уголовного дела регламентировано, поэтому вопросов, связанных с порядком изъятия предметов и документов при их производстве, не возникает. Вопрос возникает об изъятии предметов и документов до возбуждения уголовного дела не в процессе данных следственных действий. Какой порядок имеет в виду законодатель? Порядок обыска или выемки? Но производство данных следственных действий возможно только в ходе предварительного расследования. Как процессуально оформлять факт такого изъятия, какой процессуальный документ составлять? Возможно ли признавать впоследствии изъятые до возбуждения уголовного дела предметы вещественными доказательствами, если они получены не в процессе следственного действия?

Похожие проблемы мы обнаружили в текстах уголовно-процессуальных законов Беларуси и Таджикистана. Так, ч. 3 ст. 452 УПК Республики Беларусь регламентирует следующее: «При ускоренном производстве до возбуждения уголовного дела берутся объяснения от лица, не отрицающего совершения этого преступления, очевидцев и других лиц об обстоятельствах совершенного преступления, истребуются справка о наличии или отсутствии судимости у лица, не отрицающего совершения преступления, характеризующие данные о личности и другие материалы, имеющие значение для рассмотрения дела в судебном заседании или постановления приговора без судебного разбирательства».

Обозначенную норму почти дословно воспроизводит ч. 3 ст. 453 УПК Республики Таджикистан: «Орган дознания при ускоренном производстве до возбуждения уголовного дела в течение семи суток получает объяснения от лица, совершившего преступление, очевидцев и других лиц об обстоятельствах совершенного преступления, истребует справку о наличии или отсутствии судимости у лица, совершившего преступление, характеризующие данные о личности и другие материалы, имеющие значение для рассмотрения дела в судебном заседании». Представляется, что в ст. 453 УПК Таджикистана содержится прямое противоречие с ч. 2 ст. 72 этого нормативного акта: «Доказательствами могут считаться: показания свидетеля; показания потерпевшего; показания подозреваемого; показания обвиняемого; показания подсудимого; заключения и показания эксперта; заключения и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; скрытые записи; прослушанные и зафиксированные телефонные разговоры; электронные, видео- и аудиозаписи наблюдения; иные документы». Ни о каких объяснениях речи не идет. Равно как и ч. 2 ст. 88 УПК Республики Беларусь в числе источников доказательств объяснения не называет, порядок истребования материалов, имеющих значение для дела, не указывает.

В этом плане, на наш взгляд, удачнее сформулированы нормы, касающиеся проведения процессуальных и следственных действий до возбуждения уголовного дела и оценки доказательств, полученных при их производстве, в уголовно-процессуальных законах Азербайджана, Армении, Киргизии, Туркменистана и Узбекистана. Определяя их точный перечень, законодатели этих государств не допускают получения доказательств иными способами, что исключает сложности при оценке их допустимости.

Нам представляется, что использование в УПК формулировок, препятствующих единообразному пониманию и уяснению смысла закона, не просто нецелесообразно, но и вредно, так как в конечном счете препятствует реализации задач уголовного судопроизводства, нацеленных на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.